

СЕМАНТИКА И СЕМИОТИКА SEMANTICS AND SEMIOTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756

EDN: FWLYUP

УДК 81:008

Научная статья / Research article

Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования

М.Л. Ковшова Институт языкознания РАН,
125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1 mlk@iling-ran.ru

Аннотация. Автор обосновывает определяющую роль лингвокультурологии на современном этапе развития науки о языке. Отмечается, что в лингвистике продолжается поиск пространства для исследования языка в свете целостного знания о человеке. Если при структуралистском и строго лингвистическом подходе язык рассматривается «в самом себе и для себя» как автономное семиотическое образование и экстралингвистические аспекты, как правило, выносятся за пределы лингвистики и переводятся в сферы других гуманитарных дисциплин, то в лингвистике антропологической направленности язык понимается как конститутивное свойство человека в его жизнедеятельности и духовной жизни. Наука о языке вплотную подошла к изучению языка как антропологического феномена, для чего недостаточно одной лингвистической техники анализа, работы по схеме «лингвистика плюс глубокая интроспекция» с опорой на случайные несистематические знания из других гуманитарных или негуманитарных сфер. Высказывается предположение, что современный антропологический «разворот» в лингвистике позволит преодолеть затянувшийся этап стихийного соединения существующих и потенциальных лингвистик. Отмечается процесс дифференциации лингвистических направлений, существующих на смежных, но не тождественных научных платформах; в то же время выявляется тенденция к сближению дисциплин в русле единой лингвоантропологической методологии. Утверждается идея о том, что определяющая роль в этом движении принадлежит лингвокультурологии. В статье излагаются основные принципы данного направления, описываются точки соприкосновения между лингвокультурологией и этнолингвистикой. На конкретных примерах эксплицируются процессы интеракции ментальных структур и языковых форм их презентации; исследуются культурно маркированные сигналы в семантике языковых знаков.

Ключевые слова: семантика, знаки языка и культуры, смыслы культуры

© Ковшова М.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.04.2023

Дата приема в печать: 15.04.2023

Для цитирования:

Ковшова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 745–756. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756>

The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research

Maria L. Kovshova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009

 mlk@iling-ran.ru

Abstract. The author presents the arguments for the defining role of linguocultural studies at the present stage of the development of linguistics. It is noted that linguistics continues its search for the space of language studies in the light of integral human knowledge. Whereas structural approach views any language as an autonomous semiotic formation, “self-enclosed and self-supported”, as a rule, without taking into account extralinguistic aspects, which are studied in the framework of other humanities, anthropological approach is based on understanding language as a constitutive human property, as a part of humans’ daily living activities and their spiritual life. Linguistics has reached the point of studying language as an anthropological phenomenon and at this point solely linguistic analysis is not enough as it is insufficient to rely just on the traditional pattern including linguistics plus deep introspection or accidental, non-systematic knowledge taken from various humanities and sciences. It is suggested that anthropological “twist” in linguistics will let us overcome the long-running stage of spontaneous connection of the existing and potential linguistics. The article highlights the process of differentiation of linguistic approaches existing on the neighboring, but not identical, scientific platforms. At the same time the research conducted reveals the trend towards their convergence in the framework of the unified linguo-anthropological methodology. It is claimed that the defining role in this process belongs to linguocultural studies. The study deals with the basic principles of linguocultural approach. Various signs such as words, phraseological units and even the signs of the text size are used to identify the points of convergence between so similar, though not identical, branches — linguocultural studies and ethnolinguistics. The processes of interaction of mental structures and the language forms of their representation are explicated. Culturally marked signals in the semantics of language signs are identified and described.

Keywords: semantics, signs of language and culture, cultural meanings

Article history:

Received: 01.04.2023

Accepted: 15.04.2023

For citation:

Kovshova, M.L. (2023). The Role of Linguocultural Studies in Modern Times: Basic Principles and Method of Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 745–756. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756>

Введение. Основные положения

В настоящее время наука о языке переживает дифференциально-интегративные процессы, которые выражаются, с одной стороны, в множественности «других лингвистик», о чем предупреждал Э. Бенвенист [1. С. 45], обладающих своей предметно-объектной сферой, методологией, метаязыком; с другой стороны — в тенденции к созданию единого направления, которое может быть названо лингвоантропологическим, и разработке единой методологии. Специфику ситуации составляет быстрая смена лингвистических парадигм и, как следствие, постоянно изменяющийся образ языка [2], сосуществование его различных видений, что приводит к возникновению множества направлений (когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвофольклористика, теолингвистика и др.). Согласно Ф. де Соссюру изучаемый объект не дан исследователю непосредственно сам по себе; «точка зрения создает самый объект» [3. С. 46], то есть объект определяется выбором конкретного предметного ракурса постижения языка. Предметно-объектная сфера познания, направленного на постижение языкового ракурса реальности, множится, поскольку каждое направление работает со своим предметом и объектом, в своей, имеющей те или иные параметры, лингвистической реальности [4]. В современной науке о языке заметно модифицируются правила научного менталитета: восприятие систем, сформировавшихся в рамках одной лингвистики с ее понятиями, символами, терминами и методами, иначе видится с позиций «других» лингвистик. Для того чтобы исследовать тот или иной объект, в работах активнее используются приемы и методы современных направлений; интенсивно привлекаются данные других гуманитарных областей — философии, психологии, истории, культурологии; в эпоху стремительного распространения научного знания усиливаются контакты лингвистики с нелингвистикой [5]. В современных исследованиях язык понимается как отражение характера и мировоззрения народа, но только глубокий и всесторонний анализ фактов языка позволяет под рассуждения о национальном мировидении «подвести объективную базу» [6. С. 481]. Такой взгляд на язык объединяет многие школы и направления, которые группируются вокруг следующих основных понятий: языковая картина мира и ключевые слова культуры (А. Вежбицка, Т.В. Булыгина, Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев, Анна А. Зализняк и др.), языковое значение и культурная семантика (Ю.Д. Апресян, Л.А. Новиков, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Е. Бартминский, Е.Л. Березович, Н.Г. Брагина и др.), культурная интерпретация и коды культуры (В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Д.Б. Гудков, В.М. Мокиенко, И.Т. Вепрева, Е.Н. Ремчукова и др.), концепты и концептосфера культуры (Ю.С. Степанов, В.И. Постовалова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, И.В. Зыкова, В.И. Карасик и др.). В настоящее время наметился конструктивный диалог,

в ходе которого установлены точки соприкосновения, например, между связанными, но не тождественными направлениями, как этнолингвистика и лингвокультурология; ср. [7; 8].

Этнолингвистика и лингвокультурология: точки соприкосновения

Этнолингвистическое направление обращено на изучение языковых и внеязыковых фактов народного самосознания; в рамках данного направления описываются и систематизируются вербальные и невербальные средства, созданные для кодирования содержания, «сводимого в целом к “картине мира”, к мировоззрению данного социума» [9. С. 86]. Этнолингвистику представляют разные научные школы, в основном в славянском мире, между которыми существуют определенные различия; см. об этом [10; 11]. Несмотря на разнообразие научных подходов в этнолингвистике, базовым считается метод исследования, который в своем целостном обращении к слову, ритуалу, обряду, мифу позволяет реконструировать «смысловое пространство», «концентрирующее в себе всё, что знает культурная традиция на определенную тему» [12. С. 341]. Этнолингвистический анализ нацелен на создание общего «портрета» того или иного вербального и невербального знака, принадлежащего традиционной культуре, на объединение в этом «портрете» всех сведений и культурных смыслов, закрепленных за знаком в народном сознании. Так, культурная семантика березы, согласно [13. С. 31–32], имеет глубокие общеславянские корни; береза как слово, предмет, образ принадлежит растительному коду традиционной культуры. С березой связано проведение похоронных ритуалов; женская символика березы запечатлена в календарном и свадебном обрядах; образ березы широко включен в сказочные и песенные мотивы и сюжеты. Также упоминаются поверья о сакральной силе березы — охранной, божественной, или, напротив, разрушительной, демонической. В соответствии с этнолингвистическим методом по данным народной культуры выявляются и обобщаются мотивировочные семантические признаки, верифицируется связь культурной семантики березы и языковой семантики единиц с данным образом; ср., например, «похоронную» обрядовую семантику березы и значение идиомы *лечь под берёзку*.

Лингвокультурология, в отличие от этнолингвистики, сосредоточена на описании культурной семантики, когнитивно релевантной сознанию носителя языка; категориальный и понятийный аппарат лингвокультурологии описан в [14]. Исследование начинается обычно «снизу» — с этимологии, со словарных толкований, с анализа контекстов употребления, что перекликается с теоретическими положениями Л.А. Новикова о сигматическом значении, формирующемся при погружении слова в коммуникацию [15]. Далее анализ переходит на «область когнитивных описаний, включая анализ структур

знания, стоящих за соответствующей языковой формой», и затем на «описание культурных смыслов слова, различных коннотаций, сопутствующих его лексическому значению в контексте разных культур, эпох и умонастроений, а также раскрытие символики слова и логики образа, стоящего за словом в сознании носителей языка определенной культуры» [4. С. 221–222]. Согласно описанию в толковом словаре, «берёза — лиственное дерево с белой (реже темной) корой и с сердцевидными листьями»¹. В научной картине мира, например, в почвоведении, береза квалифицируется как сорное дерево, своего рода экологический индикатор экологических или рукотворных катастроф. В аксиологическое противоречие с научным представлением вступает положительная коннотация лексемы *берёза*, сформированная в культуре и имеющая онтологическое основание. Благодаря распространенности на всей территории и природным качествам береза широко использовалась в крестьянском быту. Издавна на Руси из березы заготавливались на долгую зиму дрова; плелись березовые веники; из бересты изготавливались лапти, туески и др. Использование березы в календарных, семейных и бытовых обрядах, ее ценность для развития художественных промыслов послужили основанием поэтизации образа березы и его стойкой позитивной значимости; ср. народнопоэтическое: *берёзонька*. Образ-символ милой, «берёзовой» Родины, ключевой для народного самосознания, пронизывает все слои русской культуры. Ср. хороводную песню «Во поле берёза стояла» (первая запись 1790 г., авторы первой записи — И. Прач, Н. Львов); ср. название танцевального ансамбля «Берёзка»; ср. образы березки в художественной литературе, в живописи, в киноискусстве и др.

При том что лингвокультурологический анализ корреспондирует с результатами этнолингвистических реконструкций, он нацелен на то, чтобы выявить «след» этих реконструкций в современном языковом сознании, исследовать связь «заповедной» символики с семантикой языковых единиц. Так, собранные этнолингвистикой сведения о березе как древнейшем элементе похоронного обряда у славян позволяют объяснить исходную мотивированность внутренней формы фразеологизмов: *под берёзку лечь, до последней берёзки, уйти берёзки считать* и др. В то же время лингвокультурологический анализ, с опорой на словари, на корпус употреблений, на методику опроса респондентов, на метод глубокой интроспекции исследователя, позволяет утверждать, что единицы с «берёзовой» семантикой утратили связь, например, с мифом про березу как источник смерти; в «активном доступе» имеется лишь знание обычая сажать на могиле березку. Исследование другого выражения: *дать берёзовой каши/накормить берёзовой кашей* со значением «наказать, отхлестать розгами» не обнаруживает связи с мифологемой «дерево» [16], с демонологическими

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2006. С. 44.

верованиями о русалках, сидящих на березовых ветках, о силе березового сока, которым питались ведьмы [13. С. 32], и др. Понимание образа фразеологизма опирается на бытовое или книжное знание о том, что прутья березы использовались для наказания (порки). Лингвокультурологический комментарий делает упор на экспликации живодейственных культурных «сигналов» и описывает их на «языке» культуры. Так, в комментарии будет отмечено, что образ фразеологизма *дать берёзовой каше/накормить берёзовой кашей* интерпретируется в растительном и антропном кодах культуры как знаковых системах, во взаимосвязи которых кодируются стереотипные представления о наказании розгами, изготовленными из березовых веток. Образ также интерпретируется в гастрономическом коде культуры, которые хранит представления о символической функции пищи как источнике и усвоении знаний. Такие представления нашли широкое отражение в языке; ср. *духовная пища, пища для ума, впитывать с молоком матери* и др. В целом, фразеологизм играет роль стереотипа физического наказания, предпринятого в воспитательных целях; «воспитательная» культурная семантика березы запечатлена также в шуточных поговорках и эвфемизмах; ср.: «*Берёза ум даёт*»; «*то место, для которого природа берёзу придумала*» и др. [17. С. 50].

Лингвокультурология и ее роль на данном этапе. Принципы исследования

Человек по своей сущности есть “человек символический” (*homo symbolicus*) [18], и в этом плане роль лингвокультурологии представляется определяющей. Лингвокультурология исследует языковой код как вербальную часть кода культуры, ставит в центр изучения человека — субъекта языка и культуры, носителя разного типа знаний и исследует (путем интроспекции и с помощью экспериментальных методик) речемыслительные и коммуникативные процессы. Язык понимается как основной, вершинный, способ семиотизации тех смыслов, которые отбираются на всех этапах развития культуры как ценностно значимые [14. С. 40]. Главная задача лингвокультурологии на современном этапе видится в том, чтобы выявить и описать все способы воплощения культурных смыслов в семантике языковых знаков. По гипотезе, культурные смыслы хранятся в знаках языка и извлекаются из них в речи; неявно или целенаправленно воздействуют на сознание; проявляются в стереотипах поведения и жизнедеятельности и, в целом, составляют основу понимания национального характера, культурный код нации, который, в отличие от языкового кода, обладает «исторической протяженностью существования» [19. С. 15]. Согласно основной идее культурные смыслы надстраиваются к языковой семантике, закрепляются в форме культурной коннотации и актуализируются в процессах коммуникации в ходе рефлексии и интерпретации знаков языка в пространстве культуры. Содержание культурной

коннотации и сам процесс интеракции языкового и культурного знания обусловлены культурно-языковой компетенцией конкретного человека. В ходе восприятия и употребления языковых единиц сознание «подключает» лингвистические сведения (значение слов и выражений, формы употребления и др.). Вместе с этим подключаются культурные знания, которые хранятся на глубине ментальности в редуцированном виде: архетипы, «универсальный набор» которых «извлечен из мифологии и фольклора разных традиций» [20. С. 17], а также мифологемы, символы, эталоны, стереотипы, концепты, являющиеся знаками «языка» культуры. «Сложность исследования культурно-языковой компетенции заключается в том, что последняя связана с осознанным или бессознательным усвоением «языка» культуры. Владение этим кодом и обеспечивает референцию языковых знаков к предметной области культуры и тем самым награждает дискурсы культурной семантикой — этнической, национальной <...> либо же культурными смыслами, которые можно считать «общечеловеческими»» [21. С. 26]. В центре внимания лингвокультурологии находятся знаки разной протяженности; особый интерес представляют термины родства, названия духовных концептов или объектов материальной культуры, цветообозначения, идиомы, пословицы, прецедентные имена, эвфемизмы и др.; см., например, исследования Д.Б. Гудкова [22], О.С. Орловой [23] и др. Такие знаки языка насыщены культурной коннотацией и потому «назначены» быть знаками языка и культуры, хранить в своей семантике культурные смыслы; см., например, разработку данного понятия в исследовании Т.Б. Радбиля [24]. На культуруносные знаки языка ориентируется обыденное сознание; они являются своего рода формами объяснения действительности, с ними связаны программы деятельности и поведения; см., например, статью В.З. Демьянкова о влиянии паремий на успешность коммуникации между представителями разных возрастных групп [25].

Проведем лингвокультурологический анализ на примере популярного в интернет-коммуникации выражения *«босая, беременная, на кухне»*, которое используется при обсуждении назначения женщины и ее роли в современном обществе. Происхождение выражения имеет американские «корни»; ср. историю фразы *«Barefoot and Pregnant»* и ее активное применение в западной публицистике, художественной литературе, социально-политическом и, прежде всего, феминистском дискурсе. После широкого проката в России американского кинофильма *«Пятьдесят оттенков серого»* (2015, режиссер — Сэм Тейлор-Джонсон, по одноименному роману Э.Л. Джеймс) данное выражение получило русскую «редакцию» и стало употребляться в основном в интернет-дискурсе. Коннотации, связанные с русским выражением, отражают его восприятие в контексте русской культуры и умонастроений, характерных для современного российского общества. Данное выражение хорошо пришло на обсуждение традиционных ценностей, с одной стороны, и нарастания радикализма в мире по отношению к правам женщины, с другой; ср., например [26].

Лингвокультурологический анализ основывается на методологическом принципе интроспекции, т.е. возможности исследователя «вжиться» в процесс интерпретации данного выражения в пространстве культуры, чтобы описать его культурную семантику и определить роль как знака «языка» культуры.

В лингвистическом плане выражение «*босая, беременная, на кухне*» по грамматическим маркерам и лексической семантике компонента *беременная* определяется как характеристика женщины. Цельность характеристики в данном выражении подчеркивается тем, что оно состоит из трех равных в своей квалифицирующей функции звеньев. По клишированности и смысловой обобщенности выражение «*босая, беременная, на кухне*» перекликается с крылатой фразой, имеющей позитивные коннотации: «*студентка, спортсменка, комсомолка, наконец, просто красавица*». По семантике и структуре выражение ближе немецкой речевой формуле: *Kinder, Küche, Kirche* (букв. дети, кухня, церковь). При употреблении русское выражение допускает варьирование и расширение компонентного состава; ср., например: «Что до женщин вообще, то, с одной стороны, женщина, конечно, должна быть голая, босая, беременная и стоять на кухне молча» (Андрей Панин: «*Меня нужно загнать в угол*» (2001) // «*Известия*», 10.08.2001)².

Языковая семантика выражения и его оценочность определяются содержанием коннотаций, которые сформированы в культуре.

Образная характеристика «*босая*» соотносится с архетипами «голый, нагой», «открытый/закрытый», получающих осмысление в телесном и костюмном кодах русской культуры, и интерпретируется через призму эстетических и функциональных оценок: неряшливость, небрежность, незащищенность, примитивность, ограниченность в пространстве и передвижении. На образ косвенно «работает» стереотипное представление о том, что босым, как правило, можно ходить дома, тем самым локализуется положение женщины (дом, место, в котором она живет) и ее внешний вид (в свободном домашнем облачении, даже без домашней обуви). Согласно М. Элиаде, «Миф может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но он не может исчезнуть окончательно» [27]. Диапазон образа при его интерпретации может быть широк — от условной Марьюшки в платочке в деревенской избе или тёти Моти в домашнем затрапезе в хрущёвке до условной Бузовой в шёлковом неглиже в коттедже. Характеристика «*беременная*» усиливает смыслы незащищенности, ограниченности в перемещении и при этом передает стойкий для русской традиционной культуры стереотип основного предназначения женщины — материнства. Характеристика «*на кухне*» соотносится с домостроительным и пространственным кодами;

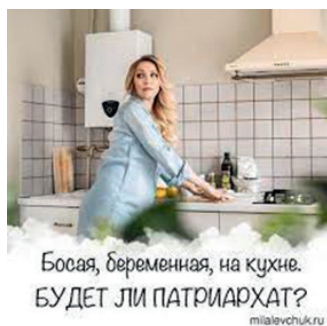
² НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2023).

местоположение обусловлено основной, по стереотипу, домашней функцией женщины — приготовлением пищи.

На интерпретацию образа влияют известные положения традиционной патриархальной культуры, запечатленные в разных пословицах и поговорках; ср., например: «Шей да пряди, босой не ходи» (пожелание женщине на праздник) [17. С. 88]; «У кого дети, у того счастье» [17. С. 272]; «Как хорошая жена да жирные щи, так другого добра не ищи» [17. С. 338]; «Женщине красота — домостройство» [17. С. 343].

В целом, выражение «босая, беременная, на кухне» передает стереотипные представления, присущие русской ментальности, и тем самым выступает вербальным стереотипом роли женщины в жизни и в обществе. Языковая семантика выражения насыщена культурными смыслами, которые оказываются пластичными в зависимости от ценностных приоритетов и социальных позиций и влияют на формирование оценочности: женщина в данном образе предстает как хранительница традиционных ценностей или как социально ограниченное, бесправное существо. Концентрация в одном образе характеристик, отрицающих нормативные потребности человека: быть обутом, физически крепким и свободным в перемещении, — делает выражение удобным для смысловой компрессии, возбуждает коммуникативные центры для дискуссии. Экспрессивность и «культуроёмкость» выражения определяет его самостоятельную значимость как «свернутого» знака культуры в составе полимодального текста; ср. рис. 1:

Рис. Пример полимодального текста с использованием выражения *босая, беременная, на кухне*

Источник: https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fu0.milalevchuk.ru%2Fuploads%2Ffiles%2Fexternal__e6b05138cc00284607c3b25a1ba31d5f%2Fmtn__eyJ3ljoINDAwliwiaCl6ljQwMCIslnpjiljoiMSlslmFvZSl6ljEifQ.428462100_97379154_255417468991684_5389174885345962217_n.jpg&lr=213&pos=7&rpt=simage&source=serp&text=босая%20беременная%20и%20на%20кухне%20откуда%20фраза (дата обращения: 03.03.2022)

Fig. Example of polymodal text using the expression *barefoot, pregnant, in the kitchen*
Source: https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fu0.milalevchuk.ru%2Fuploads%2Ffiles%2Fexternal__e6b05138cc00284607c3b25a1ba31d5f%2Fmtn__eyJ3ljoINDAwliwiaCl6ljQwMCIslnpjiljoiMSlslmFvZSl6ljEifQ.428462100_97379154_255417468991684_5389174885345962217_n.jpg&lr=213&pos=7&rpt=simage&source=serp&text=босая%20беременная%20и%20на%20кухне%20откуда%20фраза (accessed: 03.03.2022)

Заключение

Исследования в лингвистике последних трех десятилетий позволяют определить взятый наукой курс на исследование языка в свете целостного знания о человеке. Данный процесс привел к антропологическому «развороту» и возникновению направлений и дисциплин, которые продолжают множиться и создавать внутри себя научные школы с присущими им подходами и методами исследования. В то же время на этапе продолжающейся дифференциации разных «лингвистик» наблюдается их стихийное движение к объединению. Представляется, что определяющая роль в этом движении принадлежит лингвокультурологии, которая целенаправленно изучает знаки языка в контексте культуры; исследует язык как феномен, тесно связанный с жизнедеятельностью и духовной жизнью человека.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974.
2. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // *Язык и наука конца 20 века*. М.: изд-во РГГУ, 1995. С. 7–34.
3. Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1977.
4. Постовалова В.И. *Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм*. М.: ЛЕНАНД, 2016.
5. Ковшова М.Л. Наука о языке как часть науки о человеке. Культурологическое движение в лингвистике // *Русский язык за рубежом*. 2020. № 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.37632/PI.2020.278.1.007>
6. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира*. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Шмелев А.Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // *Труды Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова*. 2014. № 1. С. 36–119.
8. Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 4. С. 1389–1408. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645>
9. Толстой Н.И., Толстая С.М. *О словаре «Славянские древности»* // *Славянская этнолингвистика: вопросы теории*. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 83–97.
10. Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // *Вестник Новосибирск. гос. ун-та*. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 4. С. 6–11. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11>
11. Sharifian F. *Lingwistyka kulturowa* // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. 2016. № 28. S. 31–55.
12. Березович Е.Л. *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*. М.: Индрик, 2007.
13. Виноградова Л.Н. Берёза // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. М.: Международные отношения, 2011. С. 31–32.
14. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. *Словарь лингвокультурологических терминов*. М.: Гнозис, 2018.
15. Новиков Л.А. *Семантика русского языка*. М.: Высшая школа, 1982.
16. Денисенко Е.Н. Репрезентация мифологемы «дерево» в русских и белорусских паремиях и фразеологизмах // *Славянская фразеология и паремиялогия. Культурное наследие и современность*. Гомель: ГГУ им. Скорины, 2022. С. 62–66.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. *Большой словарь русских пословиц*. М.: ОЛМА, 2010.

18. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998.
19. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 12–146.
20. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.
21. *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
22. *Гудков Д.Б.* Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020.
23. *Орлова О.С.* Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямого номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: ЛЕНАНД, 2022.
24. *Радбиль Т.Б.* «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков // Когнитивные исследования языка. Знаки языка и смыслы культуры. Вып. 2(45). М. — Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2021. С. 283–293.
25. *Демьянков В.З.* О креативности обыденной мудрости // Язык. Человек. Культура. М.: Институт языкознания РАН, 2022. С. 45–51.
26. *Кухарева Анна.* Босая, беременная и на кухне: почему образ американской фермерши не дает покоя русским мужчинам? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://n-e-n.ru/fermersha/> (дата обращения: 03.03.2023).
27. *Элиаде М.* Аспекты мифа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

References

1. Benveniste, É. (1974). *Problems in General Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Stepanov, Yu.S. (1995). The Shifting Image of the Language in the XX Century Science. In: *Language and Science at the End of the 20th Century*. Moscow: RSUH. pp. 7–34. (In Russ.).
3. Saussure, de F. (1974). *Course in General Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Postovalova, V.I. (2016). *The Science of Language in the Light of Integral Knowledge*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
5. Kovshova, M.L. (2020). The Science of Language as a Part of Human Science. Cultural Approach in Linguistics. *Russian Language Abroad*, 1, 38–43. <https://doi.org/10.37632/PI.2020.278.1.007> (In Russ.).
6. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997). *Language Conceptualisation of the World*. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury. (In Russ.).
7. Shmelev, A.D. (2014). Language and Culture: Are There Any Points of Contact? In: *Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V.V. Vinogradova (Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute)*. Vol. 1. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences. pp. 36–119. (In Russ.).
8. Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M. & Shmelev, A. (2021). The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives. *Quaestio Rossica*, 9(4), 1389–1408. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.4.645> (In Russ.).
9. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (2013). About the Dictionary “Slavic Antiquities”. In: Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M. (eds.). *Slavic Ethnolinguistics: Theory Issues*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 83–97. (In Russ.).
10. Peeters, B. (2019). On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 17(4), 6–11. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11>
11. Sharifian, F. (2016). Cultural Linguistics. *Ethnolinguistics. Problems of Language and Culture*, 28, 31–55. (In Polish).

12. Berezovich, E.L. (2007). *Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Papers*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
13. Vinogradova, L.N. (2011). Birch. In: *Slavic Mythology. Encyclopaedical Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya. pp. 31–32. (In Russ.).
14. Kovshova, M.L. & Gudkov, D.B. (2018). *Dictionary of Linguoculturological Terms*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
15. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian Language*. Moscow: Vysshaya Shkola. (In Russ.).
16. Denisenko, Ye.N. (2022). Representation of the tree mythologem in Russian and Belarusian paroemias and phraseological units. In: *Slavic Phraseology and Paroemiology. Cultural Heritage and Modernity*. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University. pp. 62–66. (In Russ.).
17. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *The Unabridged Dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: OLMA Publ. (In Russ.).
18. Cassirer, E. (1998). *Selected Works. An Essay on Man*. Moscow: Gardarik. (In Russ.).
19. Lotman, Yu.M. (2000). Culture and Explosion. In: *Culture and Explosion. Inside the Thinking Worlds. Articles. Studies. Notes*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB pp. 12–146. (In Russ.).
20. Tsiv'yan, T.V. (1990). *Linguistic Bases of the Balkan World Model*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
21. Teliya, V.N. (2004). Cultural-linguistic Competence: its high probability and deep secrecy in phraseological units. In: *Cultural Layers in phraseological units and discursive practices*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kultury. pp. 19–30. (In Russ.).
22. Gudkov, D.B. (2020). *Humans and Beasts: Russian Culturally Laden Human and Animal Names in the National Myth. A Linguocultural Dictionary*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
23. Orlova, O.S. (2022). *Euphemisms and Riddles on Life and Death in Russian and English Cultures: The Principle of Indirect Nomination. A Cognitive–Culturological Paper*. Moscow: LENAND. (In Russ.).
24. Radbil, T.B. (2021). “Cultural background” as an implicit cultural component in the semantics of language signs. In: *Cognitive Studies of Language. Vol. 2. (45): Signs of language and senses of culture*. Moscow—Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin publ. pp. 283–293. (In Russ.).
25. Dem'yankov, V.Z. (2022). On the creativity of simple wisdom. In: *Language. Man. Culture*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 45–51. (In Russ.).
26. Kukhareva, A. *Barefoot, Pregnant, and in the Kitchen: Why Does the Image of an American Farm Woman Haunt Minds of Russian Men?* URL: <https://n-e-n.ru/farmersha/> (accessed: 03.03.2023). (In Russ.).
27. Eliade, M. *Aspects of Myth*. URL: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (accessed: 03.03.2023). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. акад. Ю.С. Степанова Института языкознания Российской академии наук; *сфера научных интересов*: лингвокультурология, семантика, прагматика, фразеология, паремиология, лексикография, фразеография; *e-mail*: mlk@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0002-8920-8638; SPIN-код: 2677-4438; Scopus ID: 57222537296

Information about the author:

Maria L. Kovshova, D.Sc. (Philology), Chief Researcher at Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. *Research interests*: linguocultural studies, semantics, pragmatics, phraseology, paremiology, lexicography, and phraseography; *e-mail*: mlk@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0002-8920-8638; SPIN CODE: 2677-4438; Scopus ID: 57222537296